

▲Annotation

Марко Синомбре... Красавец-актер, хозяин театра и потомок великого живописца, владеющего особой магией сфумато. Жизнь молодого мужчины меняется в один миг, когда он принимает приглашение на частный спектакль, где его шантажируют прошлым! Ради сохранения наследия рода отец убитого на поединке рыцаря вынуждает Марко сыграть роль своего сына Лодовико Ди Йэло, жениха прекрасной девушки, до смерти боящейся брака с тем, кто имеет репутацию свирепого чудовища. Сможет ли Марко выдержать эту навязанную роль, завоевать любовь юной жены, раскрыть мрачные тайны старинного замка и его обитателей, спасти друзей, победить черное колдовство и... просто выжить?

Наталья Ракшина

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

▲Глава 19

Глава 20

Эпилог

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

▲Наталья Ракшина
Сфумато

▲Пролог

Невыносимо сиял на солнце снег. Под пронзительно-синим небом, исчерченным серебристыми штрихами тонких облаков, зеркалом лежала равнина, на которой редкими вкраплениями темнели участки хвойного леса, тихого и безмолвного в это суровое время года. Мороз усиливался. Мириады спрессованных кристаллов снега и льда образовали гигантское парчовое покрывало, укутавшее на зиму спящий зеленый мир. Крохотные искорки серебристых, розовых, синих и даже апельсиново-желтых оттенков играли прихотливым преломлением света, радуя взор и одновременно выжимая слезы из глаз не только от яркого сияния, но и от холода тоже.

Гигантские сумарийские кедры, столь редкие в предгорьях, служили домом или временным приютом сотням живых существ, от крохотных букашек, спрятавшихся под корой до весны, до медведей, залегших в спячку в глубоких берлогах под корнями. В этот солнечный и люто-морозный день не каждый бодрствующий зверь захотел бы покинуть свое укрытие – но только не орланы. Для них наступило время гнездования, так что на вершинах гигантских кедров было шумно и суетливо. Величавые птицы обновляли гнезда, восстанавливали пары, искали новых спутников жизни. Некоторые просто сидели на мощных ветвях, острым взором осматривая местность в поисках возможной добычи.

Для своего пропитания они не высмотрели ничего, но могли видеть, как за возможной добычей гонится кто-то другой... Человек. Не менее величавый, чем орланы – цвета его семейного стяга, черные с золотом, были хорошо известны и невольно вызывали почтение. Не менее опасный – многие старались поскорее убраться с его дороги. Не менее... Стоп! Куда более жестокий, чем орланы – ибо бессловесным тварям не свойственна та осознанная свирепость, которая входит в перечень недостатков людей, а особенно мессира Ледяных пустошей, Лодовико Ди Йэло[1] Третьего.

По спрессованному снегу раздается топот копыт, такой гулкий на морозе. Именно здесь накатан лучший санный и конный путь предгорий Сумары. Летит вперед по сияющей белизне хищный клин

▲преследователей, одетых в черное с золотом. Десяток всадников, впереди которых на могучем вороном жеребце мчится тот, от которого орланы шарахнулись бы, если бы знали перечень приписываемых ему деяний.

Ему чуть меньше тридцати лет, но выглядит он старше; он статен

и строен, широк в плечах и не обижен внешностью, с первого взгляда привлекающей внимание своей грубоватой мужской красотой, которая более желанна для прекрасного пола, нежели смазливая юная утонченность. Синеглазый брюнет с орлиным профилем и таким же взором, от которого не ускользнет ничто и никто – ни выгода, ни власть, ни враг, ни хорошенькая женщина. Несмотря на холод, он скачет с непокрытой головой, его смоляные кудри и короткая черная борода припорошены инеем. Мороз ему не страшен – мессир Ледяных пустошей зимой распоряжается магией холода по собственному усмотрению и в рамках Устава рыцарей Третьего Храма, сейчас это его стихия, не способная причинить ни малейшего вреда. Спутники Лодовико не являются магами, это его личная охрана, не менее преданная, чем верные псы. Они одеты куда теплее своего сюзерена, но в лихости, удалстве и творимом беспределе стараются не отставать.

Сейчас этот хищный клин преследователей распадается, пытаюсь окружить и взять в кольцо предполагаемую добычу – теплый зимний возок, запряженный шестеркой лучших лошадей, летящих быстрее ветра. Тяжелые мощные скакуны воинов легконогим бегунам не соперники, и возница это знает, но от души подзадоривает коней ударами хлыста и криками:

– Йа-а-а! Йа-а-а!

Но что такое? Будто по волшебству, далеко впереди поднимается на дыбы не земля, нет – спрессованный белый покров. Со скрипом и треском встает пылающая на солнце стена из парящих в воздухе белых глыб и кусков поменьше; стена, окутанная клубами мелкой снежной пыли. Есть простор для маневра, есть время, но поворачивать нужно немедленно, иначе будет беда. Впрочем, она будет в любом случае, ибо поворот означает встречу с людьми, одетыми в черное с золотом. На то и расчет.

Возница зажмурился от летящей в лицо ледяной крошки.

Шестерка лошадей встала, кони храпели и топтались на месте,

▲а вокруг, будто крылья коршунов, замелькали черные плащи, подбитые волчьим мехом. Нарядный зимний возок оказался в плотном кольце, всадники быстро спешивались со смехом и пошлыми шутками, способными вогнать в краску кого угодно.

На пожилого возницу в упор смотрели синие, как небо, глаза.

– Мессир, пощадите... у меня внуки... пожалуйста...

Пожилой мужчина повалился с облучка прямо в снег, на колени, стаскивая с головы потертую лисью шапку, ожидая удара хлыстом или, хуже того, превращения в ледяную глыбу на месте.

– Пшел вон, – сквозь зубы произнес обладатель синих глаз и смоляных кудрей, падающих на лоб слипшимися от инея черными стрелами.

Приоткрыв глаза и с благодарностью отползая в сторону, возница видел, как металлические накладки на латной перчатке рыцаря Третьего Храма стремительно обрастают ледяной броней, а потом правый кулак с утроенной силой врезается в дверцу возка, выламывая ее с хрустом. Мессир Лодовико Третий не стал утруждать себя поиском кожаной петли, за которую нужно просто потянуть, чтобы дверца открылась.

Наружу вырвался теплый воздух – в глубине нарядного возка было уютно, там работало заклинание Зимнего очага, обеспечивающее

комфорт в пределах разумного. Внутри находилась та, ради которой погоня и затеивалась, – хрупкая белокурая девушка с косами, обвитыми вокруг головы, одетая в громоздкое зимнее платье из плотной шерстяной ткани темно-синего цвета, подчеркивающее белизну ее кожи. При треске и грохоте выломанной с мясом дверцы она отпрянула к стенке возка, обитой разноцветным войлоком, но летящие щепки, кусочки стекла и фрагменты ледяной брони с латной перчатки ее даже не задели. Сейчас она видела перед собой разгоряченное скачкой мужское лицо и чувствовала, что против воли ее щеки заливают бледность, а к горлу подступает комок слез, порожденных отчаянием.

– Далеко собрались, мэйс Бьянка? – спросил преследователь резким, низким и довольно-таки злым голосом, от которого отчаяния у белокурой девушки как-то не поубавилось.

Ответить было нечего. Говорить о том, что потеряла голову, пытаюсь сбежать от того, кого считала мертвее мертвого,

▲бессмысленно. Хотела пересечь границу Сумары, пренебрегая семейной честью, брачным договором, наследством – чем угодно, только подальше отсюда! Рассчитывала стать нищей и свободной от всего... Не получилось.

Мессир Ледяных пустошей подал своей законной добыче руку, приглашая выйти. Девушка едва притронулась к ледяной перчатке, морщась при покалывании в пальцах, перерастающем в боль от соприкосновения с лютым холодом магии. Тут же неслышно подступил кто-то из свиты рыцаря Храма, набрасывая девушке на плечи роскошную длинную накидку из золотистого меха редких сумарийских соболей. На голову опустил капюшон, невесомолегкий, но способный оградить драгоценную добычу от любой стужи.

Губы синеглазого мужчины тронула усмешка.

– Не очень подходит к цвету платья. Моя промашка, мэйс Бьянка. И такие простенькие платьица отныне вы носить не будете. Это тряпье для жены мещанина, оскорбляющее мой вкус.

Девушка вскинула свою белокурую головку, избавляясь от мехового капюшона. Она полностью овладела собой, ее учили этому давно и тщательно. Ее готовили к будущему замужеству с чудовищем, вышколив как породистую лошадь. Никто не увидит ни отчаяния, ни слез.

– Я предпочла бы продолжить путь в своем простом платьице. Без вас.

Ответом стал пренебрежительный смех. Ни слова не говоря, Лодовико подхватил беглянку на руки, усаживая в седло своего скакуна и легко вспрыгивая сам.

И никто из участников сцены так и не заметил, насколько напуганы они оба. Она – потому что не ожидала увидеть живым того, чей облик преследовал ее в страшных девичьих снах. Он... А он был напуган не меньше, ибо тщательно и умело, но так неохотно выдавал себя за того, другого, лежавшего сейчас обезображенным в холодной могиле.

И если бы наш синеглазый подменьш, в общем и целом неплохо справившийся с ролью, имел хотя бы какой-то опыт в организации нападений и похищений хорошеньких девиц, кроме театральных постановок, он бы заметил странную вещь, когда выбивал дверцу. Та

▲была закрыта не изнутри, а снаружи. Девушка не просто пряталась в возке.

Ее заперли.

Усиливался мороз. Клонилось к закату кроваво-алое солнце.

Удалялись от финальной точки погони всадники в подбитых волчьим мехом плащах. Все только начиналось – и для белокурой девушки, тихонько плачущей под прикрытием мехового капюшона, и для подменьша, который скрипнул зубами и в который раз мысленно проклял себя за то, что ввязался в эту историю.

▲Глава 1

Лучшая труппа королевства

Сумара!.. Кто не мечтал стать ее подданным? Властная, самодостаточная, такая огромная – не в пример соседним королевствам. И южный Галáнт, насквозь пропахший морем, вином, чесноком и рыбацким потом, и восточная змеино-лицемерная Шилса, торгующая девами для утех, благовониями и ядами, и многие другие королевства, княжества, республики и республички – они так малы и зависимы при всей своей кажущейся свободе! Ибо достаточно нескольких взмахов кисти по холсту или пера по бумаге – и вот уже прибрежные воды Галанта взбунтовались, пожирая побережье подобно неуправляемым монстрам, Шилса задушена жарой и истерзана кровососущими насекомыми, а в какой-нибудь крохотной республике одним дождем обошлись для смены власти. Осталось понять, кто машет кистью..

Известно кто! Кто-то из рыцарей Храмов, после заседания Совета, расписывающего все перспективы управления погодой и силами природы, от живых до неодушевленных. Нет в королевстве Сумара короля, уже два века как нет, а правит ее необъятными землями Совет Трех Храмов, поклоняющихся разным божествам. Первый Храм почитает Пана, чья длань простерта над каждым существом, от едва заметной глазу букашки до левиафана океанских глубин. Второй Храм служит богине Терре, во власти которой воды, почва, камни и раскаленная сердцевина земной тверди. Третий же Храм поклоняется непостоянному Эолу, покровителю погоды и климата в целом. Таким образом, все живое и неживое повинуетя действиям рыцарей-магов, да так, что не бывает в Сумаре страшных недородов, частых нападений вредителей на посевы, а хищников на стада. Каждая тварь под небом и под водой знает свое место, а природные катастрофы обойдут гигантские просторы королевства стороной. Вот так. И возьмут рыцари-маги за это благоденствие звонкой монетой, только плати вовремя.

Народ же сумарийский, как известно, вовсе не задним умом крепок, а на язык меток, он-то и дал рыцарям-храмовникам

▲соответствующие прозвища.

Первый Храм – «зверопасы». Второй – вроде как «землегрызы» неплохо прижилось. Третий – «дождеплюи», а что, тоже словцо звонкое! Все любя, все любя! Только вот в присутствии рыцарей кидаться словечками нежелательно, за такое и язык отрезать могут. Рыцари шуток-то не разумеют – зря, что ли, отступились они от остальных божеств, распоряжающихся чувствами самыми разными, от любви до ненависти, – да и чувством юмора заодно. Нет, господа храмовники сами от чувств не отказались, это им не по силам, они

такие же смертные и слабые люди, как и все прочие. Но в брак вступают и обзаводятся потомством далеко не все из них, а многие стараются себя сдерживать и ограничивать, ибо сильные эмоции и душевные порывы мешают совершенствовать чистое искусство, идущее рука об руку с магией.

Живопись – вот то самое искусство.

Да не какой-нибудь лубок с ярмарки, и не портреты на стенах богатых замков, и даже не роспись сводов Главной сумарийской капеллы, поражающая гостей королевства настолько, что среди них известны случаи потери сознания от непостижимого восторга. Нет. Тот, кто творит высшую магию, обязан владеть особой техникой живописи под названием «сфумато», стирающей границы между реальностью и грезами, обволакивающей дымкой контуры предметов так, что их можно вынести за пределы холста – или поместить туда. Да что там холста! Простой набросок, сделанный на обрывке пергамента обломком грифельного мелка, может стать проводником к чуду, если к нему приложил руку высокородный рыцарь-маг или тот, кто прошел полный цикл обучения мастерству при одном из Храмов. А что? Земля Сумары на таланты богата, и в школах, открытых храмовниками для пополнения рядов подмастерьев и мастеров, можно видеть детей незнатных горожан, ремесленников, торговцев и пахарей, а то и вовсе подкидышей из сиротских приютов.

Постижение мастерства не обходится без соблюдения важнейших правил. Первое – на обучение никогда не возьмут иностранца, ибо секрет магии живописи должен остаться государственной тайной и монополией Сумары. Это же статья дохода! Второе – на ведущей руке каждого, кто овладеет искусством сфумато, ставится невидимая глазу магическая метка одного из Храмов – как подпись под контрактом.

▲ Печать Леонардо, так ее называют. Связь Печати и каждой работы мастера нерушима, по ней всегда можно найти автора, и если тот наделает бед (например, употребит магию для колдовства во вред ближнему или отправится самовольно управлять погодой куда-нибудь в солнечный Галант), не сносить ему головы. Впрочем, голову-то не тронут, но лишат незадачливого живописца самого ценного – глаз и рук, и будет он просить милостыню до конца дней своих, оставшись никчемным калекой. Третье – если ученик не прошел всех ступеней посвящения, а среди них есть и тайные, особые для каждого из Храмов, – то нет у него права ни на Печать, ни на деятельность в качестве мага, тут не на что рассчитывать. Пусть идет в обычные художники, чьим уделом, в зависимости от таланта, могут быть и грошовой лубки, и портреты за сотни гольдано, и роспись сводов Капеллы вкупе с реставрацией, ибо ведется и то и другое уже две сотни лет. И маляры нужны, кстати, тоже.

Плоды применения сфумато можно узреть в самых разных сферах бытия и порой там, где особо никто не ждет. А если дождется да увидит, то будет знать следующее: тот, кто может позволить себе сфумато, – зажиточен и успешен, ибо стоит эта магия дорого. А еще у него фантазия хоть куда, ибо порой область применения сфумато никакого отношения к деятельности Храмов не имеет.

Так думают и жители города Фьоридо, традиционно становящегося столицей Сумары на осенне-зимний период, валом валя на очередное представление странствующего театра, запоздало завершающего осенний сезон гастролей в самом начале первого

зимнего месяца – по просьбам главы Магистрата, не желающего оставить город без полюбившегося развлечения. Ой-ой, да кто же не захочет увидеть спектакль, где все декорации оживают по мере развития сюжета пьесы, над залом пролетает чуть ли не всамделишный дракон, сцена вдруг обрастает настоящим лесом или заменяется стеной воды, каким-то чудом не обрушивающейся на зрителей! А прочие чудеса, вроде порхающих по залу живых бабочек или ярких тропических птиц? А сменяющие друг друга картины местности, если надобно показать бешеную скачку? А чертоги с бесконечными залами? Где вы такое еще увидите – разве что в следующем году, когда лучшая труппа королевства (они сами себя так

▲назвали, но никто и не спорит) сочтет нужным посетить ваш городишко, или где вы там живете.

– К нам, к нам! – заывают верткие мальчишки и девчонки в ярких костюмчиках. – Последняя гастроль!

Но нет, в мелкие городишки лучший театр Сумары вряд ли приедет, возни много, а финансового выхлопа – голубь какнул, одна срамота. Вот и тянутся во Фьоридо любители зрелищ, порой целыми семьями. Место-то в театре всем найдется – и дорогие билеты в партере по десятку гольдано ценой уйдут влет, и амфитеатр раскупят за нитенсо[2], от пяти до двадцати за место. На галерку же в конце сезона и вовсе пускают задаром, без платы в обычный один медяк, там можно стоять и толкаться сколько душе угодно, лишь бы не раздавить друг друга. Так что милости просим, сегодня в последний раз дают любимую пьесу почтенной публики: «История любви девы Инес и славного разбойника Альдо». Разумеется, к третьему акту дева таковой не останется, а упомянутому разбойнику предстоит пройти путь от бесстыжего похитителя юных знатных девиц до супруга капризной красавицы, покоренной, перевоспитанной и в финале отдавшей предпочтение вольной жизни со своим похитителем.

Огромный столичный театр полон. Ни у кого нет сомнения, что в этот вечер кассу ждет прекрасная выручка, а пятеро крепких парней, владеющих короткими мечами и метательными ножами лучше, чем столовыми приборами, присматривают за туго набитыми звенящими мешочками. Содержимое их распределяется согласно контрактам с актерами и всей обслугой театра, от постоянной до нанятой в городе на время гастролей. Недовольным не останется никто, включая тех самых крепких парней. У них ведь есть еще обязанность – охранять полсотни бесценных картин-сфумато, оживающих в качестве декораций для спектаклей, и стоят эти картины баснословно дорого. Разумеется, они застрахованы, и не зря.

Вы знаете, кому приписывают их авторство? Самому Гвидо Алмазные Пальцы! Личность почти мифическая, ибо нет равных его таланту ни среди живых, ни среди мертвых, поскольку автор полотен упокоился с миром. Его художественное и магическое наследие бесценно, а картины можно встретить в запасниках всех Храмов (случай исключительный!) – и даже вне оных. Этот случай тоже

▲особый, потому что собраны картины-декорации в однихединственных руках.

– Пабло! Шевелись! Смотри, складки занавеса смяты, как платье у дешевой девки. Поправь немедленно! – слышится громовой голос откуда-то из кулис.

– Да, Марко! – откликается Пабло с почтением. – Уже бегу!

В ответ слышится одобрителное ворчание, а громовой голос становится тихим и ласковым, потому что теперь обращен к женщине, да какой хорошенькой...

– Амалия! Если вы не ослабите шнуровку платья на вашей чудесной, обольстительной осиной талии, то задохнетесь к концу первого акта, а ваши грудки, эти божественные яблочки, просто вывалятся из корсажа. Что я буду делать без своей примадонны? Пойду по миру с протянутой рукой, ибо заменить вас невозможно! Примадонна розовеет от смущения и удовольствия. Обладатель голоса вне действия пьесы к яблочкам ни разу не прикоснулся, а мог бы, ему намекали неоднократно.

– Марко... – Красотка Амалия вздыхает и соглашается на все, глядя куда-то в кулисы безнадежным влюбленным взором. – Только ради вас.

– Умница.

Теперь ласковый голос снова меняется, переключаясь на сугубо деловой тон, ведь разговор ведется с казначеем.

– Маурицио! Готовьте сезонные расчетные листы для всех. Не забудьте приписать сверх обычной платы двум рабочим сцены – тем дуракам, которые упали со строительных лесов.

– Эх, Марко... – бурчит пожилой казначей. – Я бы не отсыпал им ни нитенсо сверху. Кто велел им лазать без страховочных тросов? Чай не обезьяны из галантской сельвы, должны соображать.

– Вот именно, не обезьяны. Те умнее. А этим дурням придется кормить зимой свои семьи. Делайте, что я сказал.

Казначей молча и уважительно склоняет голову. Он знает, что хозяин театра не ограничится тратой серебра на пострадавших рабочих. Тот, кого зовут Марко, отправит в городской приют дежурный еженедельный мешок хлеба и сладостей – для тех самых мальчишек и девчонок в ярких костюмчиках, что работают зазывалами на городских площадях. Хозяйка приюта молится на него, как и ее подопечные,

▲которые увлечены новым делом и реже шарят по карманам и поясным кошелькам зевая на ярмарке.

Кажется, все любят и уважают Марко. Кстати, а кто он такой? Да вон он, широкими шагами торопится в гримерку. Марко Синомбре[3] собственной персоной: хозяин театра, автор всех пьес, импресарио, исполнитель десятка главных и второстепенных ролей, да к тому же единственный (по слухам) наследник коллекции полотен-декораций сфумато, написанных Гвидо Алмазные Пальцы. Седьмая вода на киселе, троюродный внучатый племянник, но завещание великого мастера было составлено в его пользу. Гвидо странствовал по всей Сумаре, нигде не задерживаясь и не афишируя своей личности. Его вообще толком никто не знал в лицо, разве что рыцари Храмов самого высокого статуса – Командоры. Не сохранилось ни единого портрета, а смерть его окутана тайной. Много лет ходят слухи, что Гвидо и не умирал вовсе, а переселился в свой собственный мир, созданный на одном из полотен. Но где оно, как выглядит, зачем было написано – никто не знает.

Врут, скорее всего. О самом Марко Синомбре тоже мало что известно, кроме того, что бывшему сироте из приюта повезло, как немногим, когда на него свалилось наследство. Распорядился же он им грамотно, тут не придерешься. Счастливчик, хоть и Безымянный.

– Марко, – выжидательно мурлычет Амалия под дверьми

гримерки, – нам пора.

Да-да, сейчас погасят факелы, пора начинать спектакль, а Марко сегодня в роли горячего соблазнителя Альдо. Самая зрелищная сцена стартует с первых секунд поднятия занавеса – та самая бешеная скачка по лесу, с остановкой кареты, дракой, выбиванием дверцы и похищением девушки. Только исполнителю главной роли осталось нанести особый грим...

Вот он, стоит перед зеркалом. Настоящая внешность молодого мужчины, носящего говорящую фамилию Синомбре, не отличается красотой. Он высок, жилист и худ, сутуловат. У него тяжелый размашистый шаг, лишенный величавой поступи аристократов – парень-то наш вроде как из простых (по крайней мере, все в этом свято уверены). Высокий лоб с острыми залысинами по линии светло-русых волос, скуластое невыразительное лицо, серые глаза, ничем не примечательный нос и тонкие губы – вот и все описание. Если вы

♣мужчина, то вряд ли станете рассматривать обладателя внешности как соперника; а если женщина – то вряд ли захотите иметь такого возлюбленного.

Но! Только пока этот тип не заговорит. А говорит он великолепно, как и декламирует стихи. Можно сказать, не просто говорит, а околдовывает речью. За словом в карман не лезет, проявляя грубоватый меткий юмор в беседе с мужчинами и расточая неуловимо изысканные комплименты женщинам. Поет, аккомпанируя себе на лютне, виртуозно лаская ее струны длинными, тонкими, но такими сильными пальцами. Эти пальцы в случае необходимости не менее ловко берутся за меч, так что парочке (ой, минимум двум десяткам) обманутых мужей – обладателей ветвистых рогов – так и не удалось поквитаться за обнаруженные в покоях жен веревочные лестницы. Точный возраст Марко никому не известен (разве что ему самому), он вроде бы приютский подкидыш – от двадцати пяти до тридцати лет. Но все это теряет значение, когда он преобразается для выхода на сцену. Три портрета-сфумато, написанных Гвидо Алмазные Пальцы, служат гримом для хрупкой магии перевоплощения на несколько часов. Эти портреты хранятся в особом кофре, ключ от которого Синомбре всегда носит на цепочке под одеждой и не доверяет никому. Три образа героев: пылкий красавец-любовник, умудренный сединами старец и потешный уродец-горбун – личины используются Марко только для выхода на сцену, для этого есть специальное разрешение Магистрата, оформляемое через особый запрос в Совет Храмов заново во время гастролей в каждом городе. Иначе нельзя, за самовольное использование сфумато по головке не погладят.

– Иду! – быстро откликается Марко на зов своей примадонны, жаждущей прикосновения его тонких сильных пальцев к своим крепким яблочкам хотя бы в процессе представления.

И он выходит. Смоляные кудри. Орлиный нос. Мужественный подбородок с ямочкой. Косая сажень в плечах. Амалия тает под его взглядом – так будет и со всеми представительницами прекрасного пола в зале, от знатной мэйс до вертлявой торговки-лоточницы, спящей с орешками и цукатами между рядов кресел и скамеек. И многие мужчины захотят быть похожим на бесстрашного обаятельного разбойника, забыв о том, что он всего лишь актеришка.

♣Но все они – и зрители, и актеры, и дюжие охранники,

и зазывалы, и все-все не знают крайне важных вещей, тайну которых Марко Синомбре намерен пронести сквозь свою жизнь и затем прихватить с собой на тот свет.

Изначально не было никакого Марко Синомбре. У него от рождения совершенно другая фамилия, не имеющая отношения к прозвищу приютского сироты. Нет официального наследника знаменитого Гвидо, а завещание поддельное. А как же те самые полотна, спросите вы, холодея от возможной догадки, и будете тысячу раз правы. Только не произносите этого вслух, иначе театр останется без хозяина.

Гениальный маг-живописец, создавший множество декорацийсфумато, только что вышел из гримерки. Все картины, охраняемые дюжими парнями, – подделка, как и магические оттиски Печати Леонардо на них, указывающие на авторство великого Гвидо Алмазные Пальцы. А в личном кофре Марко Синомбре не три разрешенных Магистратом портрета, а десяток. Так, на всякий случай – вдруг придется круто изменить жизнь и исчезнуть. У самого Марко никакой Печати Леонардо нет и в помине, не имеет он права на магию сфумато, он преступник с точки зрения всех трех Храмов и гражданских властей заодно...

Спектакль начался. На сцене разворачивалась та самая безумная скачка, полюбившаяся публике. Слышались крики, рукоплескания, бурные восторги и сдержанные одобрения. А из полузатененной ложи, предназначенной для самых богатых и знатных театралов, за действием наблюдал один-единственный зритель, хотя ложа была рассчитана на десять персон. Он выкупил ложу за огромную сумму в триста гольдано – так же как сделал и вчера вечером. Крепкий старик в черных с золотом одеждах – смуглый, седобородый, с крючковатым хищным носом и властным, умным, полным колючей злой иронии взглядом. Была и третья составляющая во взгляде – тщательно подавляемое отчаяние. Его левая сухая кисть с узловатыми пальцами (безымянный был украшен брачным перстнем с турмалином) сейчас лежала на бордюре ложи, выступая из полумрака, как будто отрезанная от тела безвольная часть, но вот и она исчезла.

Старец убрал руку, досмотрел до конца сцену погони и высидел в ложе почти весь первый акт целиком, бдительно присматриваясь к

▲игре Марко в роли разбойника и соблазнителя. А затем с достоинством покинул здание театра в сопровождении двух дюжих стражей в подбитых волчьим мехом плащах.

▲Глава 2

Хороший рыцарь – мертвый рыцарь
– Эолова башка! Как я устал!

Марко со стоном повалился на низкий диванчик в своих комнатах на постоялом дворе тетушки Элегии, старой девы с рейтарской выправкой, доставшейся этой достойной даме по причине сугубо отцовского воспитания.

Он имел полное право так говорить. В последний день гастролей Марко пришлось подняться в пять утра, поскольку, будучи хозяином всей своей театральной империи, он был обязан завершить массу важнейших дел, прежде чем приступить к исполнению главной роли в вечернем представлении. Он успел все: и расплатиться в лавках, и снести свои личные сбережения в парочку банков, где меняли золото

на боны и именные выписки, и подмаслить кое-каких чиновников (если не задобрить их по мелочи, в следующий раз запросят за аренду городской недвижимости втрое больше), раздать указания всем своим подчиненным, чтобы каждый винтик в хорошо отлаженном механизме работал как положено. Тетушка Элегия, хозяйка постоянного двора, с удовольствием позволяла арендовать свои помещения для театра на весь сезон – от гостевых комнат до конюшни, – потому что пестрая актерская братия подчинялась железной дисциплине, установленной Синомбре раз и навсегда. Он не церемонился с нарушителями, рассчитывая в тот же день и выставляя вон из труппы, а потому нарушителей не было давно.

За окнами с толстыми дутыми стеклами мягко летели хлопья снега, кружившиеся в свете факелов, на которые по установленному обычаю в складчину раскошеливался весь квартал, считающий себя приличным и более-менее зажиточным. Зима – время для гастролей по теплым южным окраинам Сумары, поближе к бесшабашному Галанту, только репертуар надо чуток сменить. У тамошнего народа кровь горячая, да и галантцы из разряда аристократии подтянутся полюбоваться на пьесы в декорациях-сфумато, а эти господа отличаются вольными нравами. Трагедии и драмы долой! Да

▲здравствуют комедии и легкомысленные любовные истории с обилием песен и непрременной фривольной составляющей!

Только вот есть одна загвоздка: надо было выезжать из Фьоридо раньше недели так на три. Засиделись артисты, потому что репертуар шел на ура, а доход превысил возможные ожидания. Часть труппы и вовсе теперь захочет отдохнуть неделю-другую, насладиться сезонной премией и пожить на широкую ногу. Повозки с реквизитом и женщинами – от примадонны, пяти актрисочек второго плана и плясуний до белошвейки и поварихи тоже вскачь не полетят. Путь-то займет почти месяц, ибо впереди еще и горный перевал, пролегающий от южной окраины Ледяных пустошей практически до границы с Галантом. Перевал этот, скорее, представляет собой невысокие остатки горного плато со срезанной верхушкой – над этим немало потрудились в свое время рыцари-«землегрызы», наладившие прямой путь между двумя королевствами. Не будь перевала, пришлось бы двигаться в объезд горной цепи, которую из-за камнепадов и селей не зря когда-то называли Убийцей Путников.

Сейчас там никто не гибнет. Горы укрощены, а хозяева суровых Ледяных пустошей, род Ди Йэло, по двустороннему договору Сумары с Галантом контролируют смертельно опасную зимнюю погоду на перевале – дабы торговые караваны беспрепятственно могли двигаться в обе стороны даже в холодное время года. Но как ни крути, дорога время отнимет. Путешествуй Марко в одиночестве, он бы втихаря прибегнул к сфумато, сократив путь от пейзажа к пейзажу (такое можно вытворять только рыцарям Храмов по разрешению своих Командоров), но с толпой народу дельце не провернуть. Погода же Марко вовсе не указ, не указ. Но – тсс, этого никому знать не нужно. Кстати, о Ледяных пустошах...

Фьоридо взбудоражен не только последними театральными представлениями. Прямо скажем, если бы не риск виселицы и прочих возможностей расстаться с жизнью, горожане (независимо от принадлежности к сословиям) могли бы и народные гуляния устроить. Интересные новости путешествуют быстро: вроде как пятого дня

расстался со своей нечестивой жизнью сам Лодовико Ди Йэло Третий, нынешний мессир Ледяных пустошей. Владения рода Ди Йэло прилегают вплотную к округу Фьоридо, они воистину огромны.

♣Случился у Лодовико поединок со старшим сыном Командора Первого Храма, да и ухайдакали рыцари друг друга насмерть.

– Причина? – вполголоса шушукались обыватели по трактирам.

– Да кто их разберет, благородных! С жиру перебесились, поссорились из-за бабы, нахамили друг другу, перешли дорогу в финансовых или политических интересах – все что угодно.

Правда, сына Командора, мессира Томазо Де Лаго[4], искренне жалели, занеся его смерть в личную безразмерную копилку грехов Нечистого во плоти, мессира Лодовико. Томазо никому не сделал зла и любил жизнь во всех ее проявлениях. На теплых плодородных равнинах, принадлежащих его роду, снимали обильные урожаи трижды в год, земли были полны живности. А какую красоту он навел: хоть лес, хоть роща, хоть луг, хоть озеро – загляденье! И налоги Де Лаго брали щадящие, не в пример жадной семейке Ди Йэло.

Только ненависть не разбудишь одними высокими налогами.

Мессир Лодовико прославился по полной, да не лучшим образом. Ему приписывали громкие заказные убийства неугодных – с помощью стали или яда (включая вероломное нападение на собственного старшего брата); смертельные или финансовые подставы парочки приятелей (рыцарей Третьего Храма, стремительно делающих карьеру в Совете); похищения хорошеньких девиц. Да если бы только простолюдинкам подолы задирали, а то ведь высокородным мэйс во время весеннего карнавала нельзя было полагаться даже на охрану из слуг и собственных братьев – охрана будет перебита, а девушка обесчещена.

Все, что творил Лодовико с юных лет, покрывал и оправдывал его собственный отец, Армандо Ди Йэло, сделавший младшего сына наследником после странной смерти старшего. Слепая отцовская любовь сносила все – тем более что в молодости, по слухам, сам Армандо тоже не был образцом благонравия. Пять лет он продержался в Командорах Третьего Храма – а потом, после рождения младшего сына и какой-то непонятной беды, случившейся с женой, вдруг ушел в отставку и занялся воспитанием детей. Какие плоды принесло его воспитание, судить было можно по бесчинствам Лодовико, названного так по имени прадеда.

А имя это пока что чтили и помнили. Лодовико Второй был великим мастером сфумато. Он входил в число тех рыцарей, что

♣свергли жестокого короля-чернокнижника и уничтожили призванные проклятым родом демонические силы, требующие все новых человеческих жертв в умирающем, истерзанном стихиями и злой волей мире. Мир выстоял. С тех пор и правил Сумарой Совет, а потомкам рыцарей-освободителей навечно были завещаны Уставом каждого Храма места в этом Совете. Согласно местам – и немалые обязанности. Каким бы чудовищем ни был мессир Лодовико, управлять зимним холодом в гигантском климатическом коридоре Ледяных пустошей должен именно он – и этой обязанности и присяги перед Храмом он не нарушал никогда.

Но причиненное им зло осело в свежей человеческой памяти жирным налетом грязи на стенках закопченного котла. А тот факт, что

он был убит за пару-тройку недель до собственной свадьбы, и вовсе заставлял простой люд тихо радоваться за несостоявшуюся невесту. Договорной брак был заключен на бумаге, едва малышке исполнилось три года – так часто поступают знатные семьи, не желающие разбазаривать веками накопленное добро. Невесту начали жалеть, и уже давно. Сама она тоже не могла не знать о репутации жениха, а потому должна была готовиться к худшему. Похищенные Лодовико девушки частенько теряли разум – таковы были печальные последствия его несдержанной жестокости. Его старательно избегали даже самые высококлассные куртизанки, берущие плату по сотне гольдано за ночь, а черные с золотом одежды древнего почтенного рода Ди Йэло стали ассоциироваться с неуправляемым жестоким хищником.

– А он точно сдох? – снова и снова задавались вопросом обыватели не только в трактирах, но и в убранных гобеленами залах богатых палаццо.

И важные ответные кивки головой тех, кто считал себя в курсе последних новостей, были восприняты с тщательно скрываемой (а коегде и неприкрытой) радостью. Может быть, рыцари и вздохнули с облегчением после того, как из их рядов исчезла самая паршивая овца, но Устав не позволяет им терпеть оскорбление памяти друг друга. Осенью и зимой цвет рыцарства Храмов находится во Фьоридо и окрестностях вместе со своими Командорами. Так что веселитесь, господа, тихонько, без демонстрации восторга – а то ведь до плахи во внутреннем дворе Магистрата недалеко.

♣ Вот в какие дни завершал Марко Синомбре свои гастроли во Фьоридо. Теперь он лежал на диванчике, стасив сапоги и с наслаждением закинув свои длинные жилистые ноги на спинку предмета мебели. Ноги-то гудели, побегали с пяти утра до позднего вечера.

– Пабло! – заорал Марко. – Беги на кухню к Элегии, неси, что осталось поесть!

– Уж для вас-то останется! Сейчас все будет! – заверил тот самый Пабло, что поправлял кривые складки на занавесе.

Щуплый черноглазый парнишка пополнил ряды театральной братии в свите Синомбре четыре года назад, перед началом зимнего турне по южным городам. Дети-то в сиротских приютах частенько появляются из-за банальных и страшных вещей – усобиц знатных семей, вспыхивающих быстрее, чем успевали вмешаться высшие рыцари-храмовники, владеющие теми или иными землями. А на юге Сумары, где до сих пор много значили законы кровной мести, вместе с заварившими убийственную кашу дворянчиками порой бывали вырезаны целые деревни. Путь каравана театральных фургонов пролегал мимо страшного пепелища одной из таких деревень. Марко тогда стиснул зубы и подумал: вместо того чтобы летом малевать пейзажи залитой солнцем пашни с золотыми тугими колосьями, где просматривается каждое зернышко, местный мессир из «зверопасов» мог бы силой приструнить зарвавшуюся в своей гордыне аристократию, по осени устраивающую локальные войны с помощью своих вилланов.

Урожай сам-сто сгнил на корню. Некому было его убирать осенью, за оружие хватались даже женщины, мстящие за убитых мужей. Мстить собирался и единственный обитатель заброшенной

деревни – тощий злой мальчишка, ночью решивший подкрепить свои силы курицей, украденной у артистов, которые остановились на ночлег в чистом поле.

Кто-то из крепких парней, выполнявших функцию охранников, выловил ночного воришку без особого труда, выяснил намерения (своровать курицу – наесться досыта – вырасти – отомстить обидчикам) и надавал по шее.

– Мститель, тоже мне! Марко, что делать с этим оборвышем?

▲Ничего не ответил Синомбре, только молча кивнул в сторону костра, откуда слышался женский и мужской смех, музыка лютни и арфы и струился такой вкусный запах позднего ужина – не только жареной курицы, но и сытной похлебки. Тощего мальчишку накормили и дали ночлег, будучи уверенными, что поутру недосчитаются какого-нибудь мелкого имущества, но.. Утром Синомбре проснулся,

поеживаясь, вылез из-под полога фургона и обнаружил, что ночной воришка яростно начищает его сапоги, оставленные около колеса. Да столь усердно, что вот-вот протрет дырку в дорогой галантской коже.

Вот так и остался Пабло при театре. Вырос, оброс здоровым и крепким юношеским мясом, выполнял поручения, помогал с лошадьми и реквизитом. В Марко он души не чаял, готовый сорваться с места по первому зову. И, наверное, если бы вдруг всплыли темные делишки хозяина с незаконным сфумато, да узнай Пабло об этом, – легко дал бы себя изуродовать, отдав руки или глаза.

А вот сбегать на кухню он не успел и вернулся к хозяину с важным мальчишкой-посыльным в зеленом камзольчике. От кого пришел щеголеватый отрок, Пабло прекрасно знал.

– Марко! – кивнул он на посыльного и не удержался от того, чтоб не скривить непочтительно губы. – Тут к тебе от этой.

– Не от «этой», – надулся отрок так важно, что Пабло (посыльный едва доходил ему до плеча) захотелось пнуть того под зад, обтянутый зелеными же штанцами. – А от мэйс Оттавии!

Назвать Оттавию Вега «мэйс» можно было только из очень большой вежливости. Сия дама полусвета владела высоким и светлым палаццо и роскошным парком при нем неподалеку от постоянного двора Элегии, в восточной части города. Там были сосредоточены мелкие банки, игорные дома, лавки торговцев и... дома увеселений тоже. У Оттавии по вечерам собирались лучшие куртизанки Фьоридо, а также певцы, поэты, художники и прочие творческие личности. И настоящие господа благородного происхождения и дамы порой тоже – но часто с огромными предосторожностями и максимальным сохранением инкогнито.

– Вас приглашают на приватный спектакль, мессир Марко! – прогнусавил одетый в зеленое посланец, раздувшись от важности так, что желание Пабло относительно пинка существенно усилилось.

▲Синомбре же только прыснул в кулак, принимая на диванчике сидячее положение.

– Я такой же мессир, как красотка Оттавия – мэйс.

Выражение «приватный спектакль» могло означать что угодно – от чтения куртуазных баллад для какой-нибудь перезрелой вдовушки, жаждущей сугубо платонического общения, до исполнения коротких непристойных любовных песен по просьбе молодой прелестницы, сбежавшей под крылышко к Оттавии от старика-мужа – на один

вечерок, под видом выезда к модистке. Второй вариант частного спектакля часто заканчивался горячим интимным продолжением, а женщин Марко любил не меньше, чем театр, и они отвечали ему такой же пылкой страстью. За чтение баллад для почтенной аудитории платят звонкими гольдано, а талант Марко оценен по достоинству, тут пахнет кошельком с той же сотней. За непристойные песни воздают сладкими и жаркими объятиями. Всему свой гонорар в этом мире.

– Пабло, – подмигнул Марко, – готовь ванну и чистое исподнее!

Стряпню тетушки Элегии оставим на утро, а сейчас пошли когонибудь в таверну к Марио за порцией морских гребешков на гриле да с перечным соусом. Мало ли что, я должен быть в форме.

Отрок в зеленом слегка поклонился.

– Что передать мэис Оттавии?

– Передай, что мессир Марко прибудет через час.

Отрок поймал на лету брошенную медную монетку-купро и шустро исчез за дверью практически одновременно с Пабло, вслед которому летело напутствие:

– Да скажи, чтоб не вздумали класть в соус чеснок!..

Не хотелось бы испортить частный спектакль чесночным выхлопом, подумал Марко Синомбре и поторопился совершить омовение. А то мало ли что может приключиться нынче ночью..

Он был дальновидно прав. Только ошибся в характере приключения.

Извилистые улочки, мощенные гладкими серыми плитами, покрытыми первым тонким ледком, коротким маршрутом привели мужчину в знакомый уголок города, где в обрамлении извилистых, одетых в кружево камня каналов раскинулся парк. Естественно, по пятам следовал верный Пабло, не расстающийся в темное время суток с крепкой дубинкой и длинным охотничьим ножом на поясе.

▲Крестьянский сын, он не одобрял ночных походов хозяина, будучи уверен, что у дорогих девок из роскошного квартала под юбками те же самые прелести, что и у размалеванных посетительниц придорожных кабаков, а значит, все это сплошное надувательство и пустая трата времени. Но решения и поступки хозяина не обсуждаются.

В белесом танце падающих снежинок парк близ палаццо госпожи Вега представал перед посетителями нарядной кокеткой, кутающейся в пуховую шаль. Аккуратно подстриженные лабиринты из вечнозеленого кустарника, благоухающие особым ароматным маслом светильники, посыпанные черным привозным песком с побережья Галанта дорожки – все говорило о вкусе и достатке хозяйки, чей веселый голос слышался из арочной галереи, по прихоти архитектора расположенной не во внутреннем дворике особняка, а окружавшей его. Оттавии Вега недавно исполнилось сорок лет. В этом возрасте многих куртизанок ждет неизбежный закат ремесла, но как будто вечно молодая красавица даже бравировала своими годами и не собиралась раскрывать никому секрета чудо-средств, которыми она умащивала кожу и сохраняла блеск волос. Правда, злые языки утверждали, что перед каждым вечерним выходом Оттавия проводит у зеркала не менее трех часов, создавая роскошный облик с помощью косметики и прочих ухищрений, разглаживая каждую морщинку.

Проверить это не представлялось возможным – она давно не ложилась ни с кем в постель, переводя оказание услуг в совершенно иную плоскость – в организацию свиданий, в богемные вечеринки и прочее.

Соперницы не раз пытались подкупить служанок из особняка Вега, но те получали такое высокое жалование, что дорожили местом, а желающих разведать секреты госпожи обходили десятой дорогой. Марко миновал галерею, около которой в ожидании остался Пабло, кутавшийся в теплый плащ, и предстал перед хозяйкой палатца, облаченной в немыслимой красоты платье со шлейфом из парчи жемчужного цвета. Золотистые косы лежали на полуобнаженных плечах, голубые глаза смотрели с приветливым прищуром. Вокруг вилась стайка гостей, среди которых были сплошь состоятельные господа, со спутницами и без оных. В нарядной толпе царила раскованная атмосфера, так что гость низкого звания мог позволить себе не отвешивать поклонов каждому встречному дворянину. Здесь все равны.

▲- Синомбре! – раздалось дружески-насмешливое сопрано голубоглазой красавицы. – Все-таки пришел!

Мужчина приложился к надушенной ручке, отвечая в тон, что не последовать приглашению было бы невежливо. Ручка ускользнула из его широких ладоней и, повинувшись небрежному движению пальчиков, с ажурной каменной столешницы вспорхнул кубок из дорогого тонкого стекла, моментально наполнившийся игристым розовым ламбруско из ближайшей откупоренной бутылки.

А что? Ничего необычного. Это ведь магия сфумато – удел виртуозной работы живописцев-мужчин, до вершин мастерства из которых добиваются единицы. А простенькой бытовой магии может научиться любая особа прекрасного пола, тут было бы желание и время. У представительниц низших сословий лишнего времени нет с малолетства, они и грамоте-то обучены одна через сотню, а что касается всех прочих – пожалуйста. Сейчас Оттавия задействовала приятные мелочи заклинания Встречи гостя – признак особого расположения. Марко принял кубок с прекрасным ламбруско и сделал пару глотков. Он не мог позволить себе больше, потому что пока не знал характера предстоящего частного спектакля.

В неспешной беседе на ничего не значащие темы хозяйка и гость миновали высокие дубовые двери, обвитые плющом, и оказались во внутреннем крытом дворике особняка, где было гораздо менеелюдно, чем в арочной галерее. Тут уединялись парочки и за плотными бархатными портьерами там и сям скрывались многочисленные дверцы в уютные покои, убранные на разный лад. Каждое помещение имело отдельный выход в парк – ситуации-то бывают разные, иногда требуется поспешное бегство. Госпожа Вега приблизилась к одной такой портьере, расшитой бисером, и сделала гостю знак остановиться.

– Так для кого ты позвала меня сегодня, прелестная Оттавия?

Почтенная вдовушка, мать семейства или – я надеюсь на это, клянусь Паном! – скучающая юная красотка, сбежавшая из объятий лысого пузатого старикашки?

– Ни то, ни другое, ни третье, – натянуто улыбнулась женщина, указывая Синомбре на прикрытую портьерой дверь, а голос ее, прежде такой уверенный и жизнерадостный, сбился на жалкий шепот. – Это вообще не женщина. И даже не муж-рогогач, желающий с тобой

▲поквитаться. Но прости, Марко... я не могла отказать. Можешь проклясть меня, если хочешь, но не позвать тебя я тоже не могла.

Только сейчас гость заметил, что в полутемном внутреннем дворике не просто малоллюдно, а по-настоящему пусто. И откуда-то, как из ночного мрака, бесшумно выступили несколько фигур в подбитых волчьим мехом черных плащах. Фигуры оттеснили Оттавию от гостя. Шлейф жемчужного платья стремительно удалялся, шурша парчой по мозаичным плитам пола.

Ловушка захлопнулась. Навряд ли выйдет нынешней ночью почитать душещипательные стишки задорого или заняться любовью. Хвататься за рукоять меча было совершенно бессмысленно, да Марко этого и не сделал, потому что насчитал вокруг себя шесть молчаливых фигур. Путь оставался один – к двери, портьеру над которой уже приподняла услужливая рука в черной перчатке. Другая рука в перчатке была вежливо протянута ладонью вверх. Марко все понял без слов и вложил в эту ладонь отстегнутые от пояса ножны вместе с коротким своим мечом. А из-за полуоткрытой двери раздался властный старческий голос, действительно принадлежащий мужчине: – Входи, Марко Синомбре. Мы всего лишь поговорим по душам. Где-то далеко слышался нервный смех предательницы Оттавии, встречающей новых гостей в приглушенном свете факелов в арочной галерее. Осуждал ли ее обманутый друг? Едва ли. Тому, кто повелевает людьми в черных плащах с отделкой волчьим мехом, действительно не отказывают. Это же не кто-нибудь, а мессир Армандо Ди Йэло, бывший Командор Третьего Храма и отец убитого на поединке рыцаря.

▲Глава 3

Приватный спектакль

Просторная комната, скрывавшаяся за дверью, была погружена в привычный для вечернего времени в палаццо Оттавии полумрак, сейчас казавшийся вовсе не интимным, а очень даже зловещим. В этом помещении Марко ранее не был, и общее убранство вряд ли предназначалось для любовных свиданий – скорее комната походила на кабинет для приема посетителей в конторе состоятельного банкира. Основательный овальный стол из серой дорогой древесины сумарийского кедра, такие же стулья со спинками, украшенными прихотливой резьбой, богатый письменный прибор с чернильницей, десятком перьев и особыми тонкими грифелями для рисования, две стопки бумаги разного качества, – опять же, и для письма и для рисования. На столе также стоял большой серебряный поднос, на котором поблескивали глянцевыми боками винные бутылки, к ним прилагались два серебряных кубка и блюдо с орехами и засахаренными фруктами. Похоже, госпожа Вега предоставляла сугубо деловые услуги нуждающимся в тайных встречах.

За столом сидел тот, в ком можно было бы с легкостью узнать недавнего зрителя из театральной ложи – если бы Марко видел его ранее. Старик был одет в длинный и свободный зимний кафтан черного цвета, в самом деле делавший его похожим на зажиточного банкира, которому при всем незнатном происхождении даже рыцари Храмов не указ – он их продаст и купит. Однако черный цвет дорогой материи с особым рисунком вшитых золотых нитей по краям отделанных волчьим мехом прорезей в широких висячих рукавах да золотая цепь квадратного плетения поверх ворота – вот детали, которые указывали на высочайшее положение в обществе. Левая рука старика, возрастная пигментация на которой выглядела более

заметной, будучи подчеркнута белейшим кружевом манжеты, лежала на полированной древесине столешницы. Узловатые пальцы ловко поигрывали рисовальным грифелем, переливался в свете свечей турмалин на брачном перстне. Правая рука тоже лежала на столе, но

▲как бы случайно скрывалась под черным бархатом широкого висячего рукава, образующего прихотливые складки.

Марко молча поклонился, теряясь в догадках. Не перешел ли он в погоне за ночными удовольствиями грань разумного, соблазнив, к примеру, юную любовницу этого мощного и властного старца? Но тогда, скорее всего, никто не стал бы приглашать хозяина театра в особняк Оттавии для того, чтобы «поговорить по душам». Все могло кончиться перерезанным горлом и вечным покоем на речном дне. Как будто отвечая хаосу чужих мыслей, старик снова подал голос, слегка приподнимая левую руку и указывая гостью (или пленнику?) на свободный стул, а затем на бокалы и бутылку.

– Садись, Марко. И налей нам обоим.

Синобре жест оценил. Предлагая ему выбрать бутылку и бокал, мессир Армандо сразу давал понять, что яд исключается. В бутылках же было не игристое ламбруско, а сухое галантское, темное, как кровь, и обладающее неповторимым букетом, породить который способна только вулканическая почва, круглогодично прогретая щедрым солнцем. Марко почтительно пригубил доброе вино и поставил бокал на стол, в свою очередь показывая, что открыт для того самого разговора по душам. И заведомо понимая, что это не светская беседа, раз уж представитель древнего аристократического рода опустил ся до тайной встречи с лицедеем-простолюдином.

– Я к вашим услугам, мессир, – кратко сказал он.

Старик усмехнулся.

– Ты даже не представляешь, мальчик – а я чуть не втрое старше тебя и имею право называть так по возрасту, – насколько мне эти услуги нужны. А точнее, как минимум две из них. Справки и интересующие сведения собрать легко, когда располагаешь возможностями, это я и сделал. Ты прекрасный актер и автор пьес и ни разу не был освистан публикой, тогда как этой жалкой участи достаивались куда более звучные имена. Также ты соблазнитель женщин, ты их любимец, а слабый пол сложно провести, они чувят всякого рода подделку, будь то фальшивое золото безделушки или актерская игра. Так вот, эти-то услуги мне и нужны... Твой актерский талант – весь, до последней капельки – и твоя мужская сила.

Марко хорошо владел собой, но непроизвольно дернул левой подвижной бровью и даже тряхнул головой, отгоняя непрошенные и

▲очень неприятные мысли. Мессир Армандо отреагировал немедленно.

– Что?! – возмутился он, хлопнув по столешнице левой ладонью и ломая грифель, который крутил в пальцах. – Ты принял меня за мужеложца, на склоне лет развлекающегося костюмированными играми?!

– Я рад, что заблуждался с поспешными выводами, мессир, – склонил голову гость. – Каждому свойственно ошибаться.

– Ошибки могут дорого обойтись.

– Я понял, мессир. Больше не повторится.

– А теперь о других ошибках, – резко сказал старик. – Которые совершают неблагоприятные дети, умирая во цвете лет и оставляя

безутешных родителей без наследников.

Марко весь обратился в слух. Похоже, разговоры о смерти Лодовико были истинной правдой.

– Я не сомневаюсь, что ты уже слышал о... – Голос мессира Армандо дрогнул. – О гибели моего мальчика...

«Кому мальчик, а кому чудовище».

– ...но пока это только сплетни и болтовня. Никто не видел его мертвого тела. Я забрал его с места поединка до того, как там оказались представители семьи Де Лаго. Его бедные останки забальзамированы и тайно захоронены под плитами семейного склепа – и только. Единственный свидетель смерти, Томазо Де Лаго, к тому времени уже истек кровью и тоже умирал. Я слышал его последний вздох. Я не подтвердил ни одного вопроса или предположения о гибели Лодовико. Пока что многие, включая его ближайшую свиту, теряются в догадках, насколько опасно он ранен. Для всех он находится в изоляции в Белом замке – под присмотром врача, имя которого никому не известно.

В речи старика было одно ключевое слово, за которое сразу зацепился слух Марко: «опасно». Опасной становилась сама беседа, и колючий острый взгляд черных глаз мессира Армандо царапнул сидящего перед ним мужчину, будто алмаз стекло.

– Сейчас для Лодовико не время умирать. Я не имею ни малейшего желания расстаться с родовыми землями Ледяных пустошей в пользу Третьего Храма или Совета в целом. У меня больше нет детей...

«Кто же виноват, что вы воспитали братоубийцу?»

▲– ...но до свадьбы с мэйс Бьянкой Ди Боске[5] осталось меньше трех недель. Мне нужно, чтобы она вошла в семью в качестве законной жены мессира Ди Йэло Третьего. А там возможны варианты. Теперь настала очередь Марко воскликнуть:

– Что?!

– Схватываешь на лету, – одобрительно сказал старик. – Ты многого достиг, мальчик, вырвавшись из низов общества. Подумай, чего можно добиться, останься ты на самом верху.

– Но вы же не...

Синобре на миг забыл о почтительности и осушил кубок с вином до дна, даже не заметив этого. Положительно дед спятил на почве смерти сына. Но так же нельзя!..

– Можно, мальчик, – прозвучал расчетливый и жесткий ответ. –

Я говорю о вариантах, вот они: заключение брака и несколько месяцев семейной жизни со всеми вытекающими последствиями. Бьянке

девятнадцать лет, она молода и здорова, а ты тот еще жеребец. Если она понесет от тебя – великолепно. Можешь сразу убираться на все четыре стороны, мы обставим твоё исчезновение как надо, заявив о внезапной смерти Лодовико – например, от последствий ранения.

Я потерплю до того момента с ролью безутешного отца, на это сил хватит. Подумай, какая мысль будет греть тебя всю оставшуюся жизнь: твоё дитя законно войдет в дворянское сословие, из которого ты волей судьбы изгнан, а может, даже станет рыцарем Храма, если это будет мальчик. Если не сумеешь заделать Бьянке ребенка – тоже волен убираться через полгода, а там уж я найду ей мужа по своему вкусу. Мне важно, чтоб род Ди Йэло не прервался хотя бы на бумаге.

Остальное сейчас – прах и тлен. Ты, Марко Синобре, на время

сделаешься Лодовико. И точка.

Впору было задуматься не только о том, что дед спятил. Тут все гораздо хуже...

– Я понимаю, о чем ты беспокоишься, – продолжал Армандо. – Внешне никто не заметит подмены – будет сделано такое сфумато, что твои театральные перевоплощения покажутся дешевой маской ярмарочного фигляра. Я ручаюсь! Начинать вживаться в роль можешь хоть с этой минуты – я вижу, тебя распирает от желания швырнуть кубок об стену, Лодовико бы так и сделал. Не сдерживайся! Твой театр не пропадет – я уверен, ты знаешь, как обставить свою отлучку, а о

▲финансах за простой спектаклей не беспокойся, я решу эту проблему звонкой монетой. К тому же с артистами тоже не все чисто. При театре есть рейтарский дезертир и бывшая воровка, по которой плачет тюрьма. Как насчет их судьбы в случае твоего отказа?

Марко и сам не заметил, как побелели пальцы, сжимающие ножку кубка. Он медленно разжал их, поставив опустевший кубок на стол. Сейчас он чувствовал себя торгующимся со смертью.

– Я думаю не только об этом, мессир, – медленно проговорил он. – Меня интересуют и другие вещи. Первое – моя жизнь. Вы сказали о ней: «всю оставшуюся», мне это не нравится. Кто поручится за то, что я буду жив после игры в навязанной вами пьесе? Второе. Девушка. Я не знаю ее, но соблазнение с подобной целью кажется мне не самым достойным делом. Третье... Ребенок. Даже если предположить, что он или она появится на свет, неужели вы думаете, что я смогу оставить зачатое мной дитя?

Старик усмехнулся в седую бороду.

– Ведешь себя, как дворянин с принципами. Наследственное благородство – поганая вещь, от нее надо избавляться. Весь в отца, только он ведь плохо кончил. Ты же знаешь, что грозит семьям чернокнижников и их детям, правда? Вовремя исчез – молодец, но даже годы спустя можно выйти на твой след, было бы желание. Я же смог. И, раз уж на то пошло, ни один мужчина не знает, сколько у него детей. Я не поручусь, что после твоих шашней с молоденькими женами почтенных горожан в какой-нибудь семье городского чиновника не появится наследник, у которого к двадцати годам образуются характерные залысины на лбу.

Стало так тихо, что шорох падающего снега как будто проник за толстые каменные стены. Марко пропустил мимо ушей слова насчет последствий своих интимных развлечений, но был уверен, что тайна его рождения надежно похоронена, как и прошлое семьи. Выходит, это не так...

– Мы еще поговорим на тему отцов и детей, мальчик. Ты наверняка должен быть неплохим магом, как и твой родитель, все предпосылки есть. Это тоже на пользу, вот увидишь. Семья Ди Йэло должна получить обычную паго эниберно[6] за сезон, тебе будет причитаться внушительная сумма, – не давал опомниться Армандо, ловко вынимая из ниоткуда, будто шулер, один козырь за другим. – За

▲свою жизнь сейчас не бойся. Я готов заключить двустороннее силенцио дорадо[7]. Бумаги уже подготовлены. Время дорого – у меня его нет. У тебя тоже.

Сделка «золотого молчания»! Исключительный контракт, нарушение пунктов которого практически невозможно. Разглашение

тайны или попытка обойти условия сделки – и вот уже все рушится, а стороны вправе поступать друг с другом как угодно, не держа слова. До этого момента клятва нерушима, а обязательства священны.

«Как он на меня вышел?!»

– Мой отец не был чернокнижником, – сквозь зубы процедил Марко. – Не был. Его осудили несправедливо!

– Я знаю, – огорошил ответом старик. – Он ушел в Первый Храм и тем самым сделал глупость. Тогда я уже не был Командором и не имел прежнего влияния в Совете, не мог его защитить, моя собственная жизнь так круто изменилась! Я не мог вмешаться в процесс, было не до того. Повторяю, на эту тему мы еще поговорим.

– Но...

– Никаких но. Далее. Девушка – всего лишь девушка. Можно сказать, родители отказались от нее в тот день, когда поставили подписи под брачным договором. Ее отца сейчас лихорадит, потому что предположительно может быть упущено выгодное для него замужество, и он способен надеть глупостей, отдав девчонку кому попало. Посмотри же, о ком идет речь, прежде чем заранее отказываться затащить ее в постель.

Только теперь Марко заметил, что к стене справа от стола прислонено нечто, укрытое холщовой тканью, угадывались очертания овальной портретной рамы в рост человека. Мужчина встал и, повинуясь кивку головы мессира Армандо, снял покров. Да. Это был именно женский портрет изумительной работы, выполненный в типичной технике сфумато для демонстрации всех подробностей внешности. Такие брачные портреты часто заказывали состоятельные женихи или их родители, желающие знать всю правду о достоинствах и недостатках внешности невесты, а цена работы порой достигала десяти тысяч гольдано. В какой бы части помещения ни находился зритель, ему казалось, что лицезрение изображения с прямым контактом глаза в глаза доступно лишь ему одному. Изображение жило отдельно от холста, приподнимаясь над ним подобно призраку,

▲и позволяло видеть не только смену выражений лица девушки, но и некоторую пластику движений, ограниченную рамой портрета. Тонкая в кости, нежная, с белокуро-золотистыми волосами, заплетенными в тяжелую, обернутую вокруг головы косу, она была прекрасна в любом проявлении эмоций – от детской радости до гнева. Ее личико было одухотворенным, в глазах плескалось озорство, сочетающееся с недюжинным умом и безупречным тактом. В руках она держала какие-то книги. Девушка улыбалась подобно солнцу, выглянувшему из-за тяжелых зимних облаков, и даже слезы не могли испортить цвета ее лица. Марко непроизвольно вздрогнул. Тот, кто заказал полный спектр эмоций для брачного сфумато, хотел знать, как будет выглядеть девушка в случае испуга, боли, ужаса или тех самых слез. Значит, заранее рассчитывал их увидеть... Репутация Лодовико и тут показала себя – даже посмертно.

– Ну как тебе? – хмыкнул Ди Йэло. – Хороша мэйс Бьянка?

– Она воистину прекрасна, – честно ответил гость. – Но я не имею права вмешиваться в ее судьбу, особенно сейчас, когда...

Марко не договорил, все было ясно и без слов, повисших в воздухе подобно кристаллам влажного морозного тумана.

– ...когда она освободилась от обязательств перед мертвым чудовищем? – почти ласково закончил фразу старик, в глазах которого

на миг вспыхнули огоньки ярости. – Ее судьба сейчас не predetermined. Но я могу вмешаться в твою, Марко Синомбре. И так, как ты даже представить себе не можешь.

Колючие черные глаза смотрели не мигая, как будто пронизывая собеседника насквозь. Армандо Ди Йэло слегка прихлопнул по столешнице левой ладонью.

– На галерах в Галанте вечно не хватает гребцов, они тамдохнут как мухи, так что местный кесарь никогда не отказывается принимать сумарийских ссыльных. Но тебе-то светят вовсе не галеры, мальчик, а смерть или жестокое наказание для посягнувшего на право применения сфумато, да еще и с отягощенной наследственностью сына чернокнижника. Ты же можешь кормить сказками о наследстве кого угодно, но я-то правду вижу! Несколько полотен явно были созданы твоим отцом, его манеру я знаю, остальные, несомненно, тобой. И ты очень и очень талантлив, Марко, если даже у экспертов Магистрата ни

▲разу не возникало сомнения в подлинности магического оттиска Печати Леонардо на холстах.

Синомбре нечего было ответить, но он все-таки попытался.

– Позволю себе заметить, мессир, что опровергнуть подлинность теперь можно только при личном вмешательстве мастера Гвидо, но его ведь нет в живых.

– Это ты знаешь от отца, верно? – Лицо собеседника сейчас было темным и неподвижным, только губы шевелились, словно каждое мимическое движение причиняло боль. – Он и сам не был в курсе всей правды, а именно, когда и как Гвидо умер. Посмотри же сюда.

Откуда-то из необъятных складок широкого черного кафтана была извлечена небольшая шкатулка. Особая смолистая древесина драконова дерева, вечно остающаяся нетленной, и кроваво-красный бальзамирующий лак стоили немалых денег. Такие шкатулочки чаще всего предназначались для сохранности покрытых особым воском живых цветов на долгие месяцы – для подарков возлюбленным. Увы! Содержимое раскрытой мессиром Ди Йэло вещицы было совсем другим, зловещим и мрачным.

Там находилась мумифицированная кисть правой руки, при жизни явно принадлежавшая мужчине.

– Видишь это?

– Да, мессир.

– Ну так вот знай... Гвидо не мог малевать такие декорации, он бы не допустил замыленности фона по углам, несомненно. А это и есть рука Гвидо. Правая. Вместе с его алмазными пальцами. – Голос старика стал поистине злобным, он буквально выплевывал слова. – Теми самими пальцами, которыми он сотворил сфумато неро[8] против моей жены.

Марко почувствовал, как по спине пробежали мурашки холода.

Черное сфумато. Черное колдовство... Страшный грех, караемый смертью. Неужели?..

– Я отрезал эту руку, Марко Синомбре. Спустя несколько лет после самого факта колдовства, раньше никак не получалось, Гвидо хорошо скрывался. Он не успел сознаться в том, кто был заказчиком сфумато неро. Он умер. Я один из ныне живущих знаю, кто таков Гвидо на самом деле, где его тело. Совет не имеет к этому ни малейшего отношения.

▲ Не приходилось сомневаться в том, что упомянутый Гвидо не выдержал пыток – вот что скрывалось за коротким словом «умер».
– Нет необходимости верить мне на слово. Ты пошлешь человека за любой из своих картин-декораций, дабы убедиться, что Печать Леонардо на ведущей руке Гвидо – а сохранилась она отменно, тут особый состав для бальзамирования – не сможет отозваться оттиску на полотне. Кроме того, вот рисунок, где оттиск совпадает с подлинником Печати...

Старик выложил на стол замасленный по краям лист бумаги, на котором виднелся набросок пейзажа грифелем – не иначе эскиз к будущей картине. Пейзаж ожил и поплыл над столом, стоило только поднести к нему шкатулку со страшным содержимым. Рядом в воздухе повис отчетливый индивидуальный символ Печати – стилизованные контуры человеческой фигуры идеальных пропорций, вписанные в квадрат и окружность[9].

Марко был уничтожен.

– Я давно не член Совета Трех Храмов, мальчик. И я не стану вмешиваться в процесс расследования, к которому привлекут трупку твоего театра и твоих друзей, включая женщин. У преступлений чернокнижников нет срока давности. Ты же понимаешь, что допрос с пристрастием выдержат далеко не все.

– Они ничего не знают обо мне, мессир. И ни в чем не провинились.

– А это еще нужно будет доказать.

Шевельнулись бархатные складки на правом необъятном рукаве кафтана. И пораженный Синомбре наконец увидел правую кисть Армандо – сморщенную, изуродованную, с корявыми перекрученными пальцами и искаженной, смятой, наполовину проявленной Печатью Леонардо, которая уже никогда не сможет полным оттиском лечь на холст. У Командора Храма не могло быть такого физического изъяна, значит... Вот почему он ушел с поста! Неужели черное колдовство было применено против супружеской пары? Армандо утратил способность к живописи, а его жена... Эоловы персты, что же с ней?! На этот счет людская молва приписывала мэйс Ди Йэло какую-то хворь, то ли паралич, то ли безумие.

Старик и молодой, полный сил мужчина смотрели друг на друга, понимая без слов. И еще одна догадка пронзила Марко, когда он

▲ сопоставил
следующие
факты,
случившиеся
практически

одновременно: рождение сына в семье Ди Йэло, странный недуг матери, затем уход отца с поста Командора... и взросление мальчика, день за днем становившегося тем, кто заслужил прозвище «Нечистый» едва ли не раньше, чем достиг возраста двадцати лет.

Черное сфумато затронуло всех Ди Йэло одним махом – всех, кроме старшего сына, родившегося пятью годами ранее.

Преступление? Проклятие, сработавшее жестоко, безупречно и очень страшно. Наверное, испытываемые чувства отразились на лице Марко сполна, потому что мессир Армандо погрозил пальцем здоровой руки.

– А ты быстро соображаешь, Синомбре. И делаешь выводы, которые не надо произносить вслух. Я не дам тебе времени на

размышление, как делают злодеи в твоих пьесах. Это жизнь, мальчик. Покинуть палатку красотки Оттавии ты волен либо вместе со мной, соглашаясь на месте подписать силенцию дорадо, сохраняя жизнь и свободу себе и своим друзьям, либо вместе с моими стражами – в кандалах и без каких-либо перспектив в ближайшем будущем, ибо будущего у тебя не станет. Третьего не дано.

Тяжелое молчание длилось несколько минут. А затем был произнесен твердый и спокойный ответ Марко:

– Я не подписываю никакие бумаги, не прочитав, мессир. Давайте же ваше силенцию, тут достаточно света... Также мне будет нужно написать письмо для юноши Пабло, который сейчас ждет в парке около арочной галереи.

К двум часам пополудни гости Оттавии постепенно разъехались по домам. Сама госпожа Вега тихонько, крадучись, прошла во внутренний двор особняка. Она вздрагивала при каждом шорохе и, кляня себя в бессильной попытке найти оправдания беспокойной совести, больше всего боялась обнаружить бездыханное тело Марко Синомбре. Но она не нашла ничего и никого, кроме слуги, уносящего поднос с недопитым вином и нетронутыми лакомствами.

Каким образом покинули палатку фигуры в подбитых мехом плащах вместе с мессиром Армандо и его собеседником, оставалось только гадать. Они не воспользовались тайным выходом в парк и вообще никаким из выходов.

Они просто исчезли.

▲Глава 4

Беспокойная ночь и ледяные пустоши

У Пабло выдалась беспокойная ночь – да и у всей театральной труппы тоже. Ожидание в парке Оттавии закончилось раньше возможного. У парня глаза на лоб полезли, когда закутанная в черный плащ рослая мужская фигура протянула ему свернутое трубочкой запечатанное письмо. Верзила ничего не сказал, неслышно удалившись, пока Пабло разворачивал письмо. Конечно, печать Синомбре он узнал, такая же стояла на всех расчетных листах жалованья. Читал верный слуга не очень хорошо, учиться грамоте вообще не было любимым занятием, но все-таки он читал по слогам. В свете масляных ламп парень разобрал первую часть инструкций и мухой полетел на постоялый двор тетушки Элегии. Он не обратил внимания на концентрацию альгвазилов Магистрата в квартале, и зря... Потом Пабло полетел назад, пряча под плащом самую маленькую из картин-сфумато, которая предназначалась для демонстрации полета экзотических попугаев над залом. Обернулся в четверть часа туда-обратно, вручил ожидающему верзиле картину и засыпал вопросами, но ответов не дождался.

Вообще он ничего не дождался, потому что начал разбирать почерк Марко дальше и на миг задумался о том, что сделал глупость, ранее не дочитав до конца весь текст, и самое бы время получить по шее от самого Синомбре за несообразительность. Парень окончательно понял, что дело нечисто, когда вышел другой молчаливый верзила, в плечах шире прежнего. Всучил Пабло картинусфумато в футляре, а затем крепко взял за шиворот и развернул в сторону выхода из парка, слегка подтолкнув в спину кулаком для придания направления.

– Эй! Ты что делаешь, здоровяк?

Пабло не успел толком огрызнуться, потому что полетел физиономией в свежий мягкий слой снега. Вокруг со смехом шарахнулись гости Оттавии, саму же ее не было видно, так что Пабло дал себе зарок рассчитаться с паскудой, как только выпадет оказия.

▲Он стремглав кинулся обратно на постоянный двор, потому что кроме странных инструкций хозяина (надлежит самостоятельно перебраться на весь сезон до конца зимы в городок Невадо[10], где нужно играть пьесы попроще без участия Марко, срочно занявшегося важными семейными делами), в письме на шифрованном языке содержалось следующее.

«Прибрать парики и раздать пастилу». Ни к реквизиту, ни к сладостям это предложение отношения не имело. Оно означало, что из трупы належит немедленно исчезнуть и хорошенько спрятаться двоим, которым угрожает опасность. Речь, естественно, шла о Леандро (исполнитель ролей благородных героев-любовников и отпетых дуэлянтов) и Мартине (типаж субретки и наперсницы главных героинь, вертлявая и шустрая красотка, оставившая свой преступный путь благодаря уютному местечку и стабильному доходу в театре).

Увы, Пабло бежал напрасно, а под конец пути и вовсе притормозил, потому что наконец-то увидел кучкующихся на улице альгвазилов. Нет! Нельзя теперь выходить со двора ни Леандро, ни Мартине, нельзя светиться на глазах у ночной стражи, потому что та явилась безусловно по их душу, а Марко...

– Чую, хозяин в беду попал, – сокрушался Пабло, виновато выкручивая в руках смятую салфетку. – Он пишет, что все в порядке, у него срочные дела, но я чую, это не так.

Он сидел за столом на кухне тетушки Элегии в компании почтенного седовласого казначея Маурицио и того самого дезертира Леандро, чья внешность могла бы ввести в заблуждение многих и многих. Отнюдь не мощного телосложения, стройный, изящный, белорумяный лицом, как девушка, и вроде бы такой же застенчивый, он преображался только в двух ситуациях: на сцене и в схватке. Не было ему равных ни там ни там.. В рейтарах на юге Сумары он оказался волей случая, пытаясь уйти от ответственности за соблазненную купеческую дочку. Прослужил пару лет и дал деру, когда после десятой дуэли со смертельным исходом впереди замаячила перспектива галантских галер. Стал чуть-чуть спокойнее, уже не пытаясь изрубить в капусту каждого встречного хама, но в драке стоил пятерых. Едва тлели угли в очаге, горели свечи, окна были наглухо задернуты занавесями.

▲– Пабло, – вздохнул Маурицио, откладывая в сторону письмо после третьего кряду прочтения, – что тебе не раз и не два говорили? Сначала думай, потом делай. Почему ты не дочитал до конца сразу?

– Не дочитал. Бейте, если надо, заработал.

– А что? Я за, – согласился златокудрый Леандро, подмигивая казначею левым глазом, который Пабло видеть не мог, ибо сидел справа и слегка в отдалении.

Но Маурицио нахмурился и шутку не поддержал.

– Никого мы бить не будем! Я так понимаю, Марко перешел комуто дорогу или сделал нечто этакое, за что его взяли в оборот. Но кто?

Не занес взятку чинушам? Ерунда, за такое не берут!

Крестьянский сын уныло упомянул про подбитые волчьим мехом

плащи – черные с золотом, после чего за столом воцарилось тяжелое, но крайне недоуменное молчание.

– Семья Ди Йэло? К ним-то какое отношение имеет Синомбре?

Ерунда! – Казначей пожал плечами, но Леандро зацокал языком.

– Синомбре любит щупать чужих баб.

– Именно что баб, а не дочек на выданье, как некоторые! – мастерски парировал Маурицио. – Оттавия не самоубийца, чтобы свести его с любовницами Ди Йэло – старшего или... младшего, прибережи Терра его кости.

Пабло нелицеприятно высказался о госпоже Вега – емко, выразительно и без намеков. Рейтарский дезертир коротко хохотнул, Маурицио вздохнул.

– Как бы там ни было, надлежит принять решение...

Он не успел договорить. На кухню ступила сама хозяйка постоянного двора, достойная тетушка Элегия. Несколько бледноватая, растерянная, неприбранная – в кружевом чепце и широком ночном халате поверх длинной рубахи. Подсвечник в руках подергивался, да так, что капли воска летели во все стороны. Видимо, ей не хватило сил воспользоваться бытовой магией из-за волнения.

– Ночь-полночь, – пробасила она, – а сидите. Ох, ребята, вы же мои самые лучшие клиенты, а оно вон как повернулось...

– Что? – в один голос спросили трое мужчин.

– А то! Пришел капитан альгвазилов Магистрата вместе с пятью этими, в волчьих плащах! Говорит, чтобы вы не делали глупостей и тихо-мирно выехали к утру всем караваном туда, куда велено. Они

▲проводят... Убей меня Терра, я не знаю, о чем они, но неприятности мне не нужны. Я хочу мирно дожить свой век в своем же заведении. Женщина развернулась и вышла, хлопнув дверью. Мужчины снова переглянулись. Леандро пригладил свои золотистые кудри.

– На галеры я не хочу. Но я оказался бы там гораздо раньше, кабы не Марко. Я остаюсь.

Маурицио кивнул. Кабы не Марко, он бы болтался в петле, куда намеревался сунуть голову после разорения банка, поспешного бегства молодой жены и распродажи имущества для покрытия долга. Пабло даже кивать не стал, ибо помнил курицу и ночь у костра, ставшую началом новой жизни. А ведь не только они трое изменили судьбу в лучшую сторону после того, как Синомбре протянул им руку помощи; при театре, труппа которого состояла из трех десятков человек, включая обслуживающий персонал, таких набралось бы две трети. За годы, проведенные вместе, они стали практически семьей. А лишние и случайные люди в этой семье не задерживались.

– Решено, – просто сказал Маурицио. – Мы нужны Марко. Выезд сразу после рассвета.

Разумеется, просто так никто и ничто не исчезает. Как только были поставлены подписи под «золотым молчанием», проверены слова Ди Йэло об отсутствии связей Печати Леонардо на мумифицированной кисти и картине с попугаями, сам договор спрятан в сразу же опечатанный кожаный футляр, мессир Армандо сделал знак Марко получше укрыть холстиной брачный портрет мэйс Бьянки, что и было сделано. Затем в комнату начали входить молчаливые верзилы в черных плащах, пряча лица под приспущенными капюшонами.

Марко они как будто не замечали, очень быстро разворачивая и закрепляя на раскладном подрамнике какой-то холст с великолепно

написанным пейзажем.

Несомненно, на полотне расцветало начало зимы в предгорьях Сумары. Полыхало трехслойное закатное небо, переливаясь от багровых до мягких серо-синих оттенков. Темнел заснеженный лес и даже казалось, что там, среди голых веток облетевших лиственных деревьев и мохнатых еловых лап с убаюкивающим шорохом густо падают хлопья, а дневные птицы и звери устраиваются на ночлег. А на стыке пологих, искусственно сглаженных давним вмешательством

▲сопок, в распадке стоял величественный замок. Несмотря на то, что сооружение находилось в отдалении и даже в низине, оно как будто доминировало над всей округой, и по сторонам от него угадывались смутные очертания какого-то города и мелких деревенок, окутанных теплым печным дымом.

Как работает живописец сфумато, наделяя свои творения непонятной многим магической силой, способной менять форму и саму суть вещей или явлений? Его рука движется неуловимо быстро – так, что со стороны не получается заметить ничего. Живописец просто стоит у холста – так вам кажется, но на самом деле он работает, переплетая краски со светом и тенью. Говорят, ведущая рука мастера пребывает в нескольких мирах одновременно. Кто знает, может, так и есть... Размер мазка кисти невозможно обнаружить или увидеть ни простым глазом, ни с помощью увеличительного стекла. Объекты на холсте не имеют видимых краев и границ, а тончайшие лессировки обеспечивают глубокие переливчатые цвета[11]. Кажется, что все на картине обволакивает таинственный и пленительный *fumus*[12].

Изумительное мастерство в технике сфумато указывало на то, что назначение картины – служить порталом для быстрого перемещения. Конечно, отец одного из членов Совета Храмов и бывший Командор в одном лице должен иметь право на такие действия.

– Белый замок... – Мессир Армандо выделил голосом название. – Нам нужно туда, и как можно скорее. Семьдесят миль – три дня конного пути, терять их сейчас ни к чему.

СинOMBRE покосился на верзил в плащах, один из которых совершенно спокойно протянул ранее обезоруженному гостю его собственный меч – как ни в чем не бывало.

Старик махнул здоровой рукой.

– Они глухи как пробки, немые, как могильные камни, знают только язык жестов и зов магии, а подчиняются лично мне, хотя прислуживают и Лодовико тоже. Представь, что их вовсе тут нет, мы вдвоем.

Времени и вправду не тратили. Вечерние краски на холсте стремительно темнели, сменяясь ночным небом и темным, таинственно мерцающим под луной заснеженным лесом. Затем пейзаж-сфумато принял всех.

▲По завершении прохождения по ту сторону картины мессир Армандо сделал завершающий жест здоровой рукой, дабы последний из прошедших людей его втянул в портал сам холст вместе с подрамником. Исчезла комната в палаццо Оттавии. Вокруг был зимний лес, а вся переместившаяся группа оказалась на хорошо утоптанной и ровной поляне, где горели костры и бродили очередные молчуны (человек пять), стерегущие коней. Очевидно, появление хозяина вместе со спутниками не стало для них сюрпризом – как будто ждали.

Старик подмигнул Марко.

– А для тебя не в новинку прыгать туда-сюда, правда? По первому разу иных наизнанку выворачивает после недавней трапезы.

– Вы и так много обо мне знаете, – сказал Синомбре, поеживаясь и пожимая плечами, поскольку в предгорьях на свежем воздухе было куда холоднее, чем во Фьоридо. – Так к чему обсуждать очевидные вещи?

Ответом стал надтреснутый старческий смех, а один из слугстражей принес Марко такой же, как у всех в группе, теплый плащ с меховой отделкой и капюшоном и зимние перчатки. С удивительной для его возраста ловкостью, учитывая наличие искаленной руки, мессир Армандо оказался в седле.

– Пара миль, мальчик. Всего пара миль и будем на месте.

– Я никуда не тороплюсь, мессир. Нас ждали – значит, вы заранее рассчитывали на результат, не принимая в расчет, что я мог отказаться?

– Я верю звездам, – серьезно ответил Ди Йэло. – Они с максимальной долей вероятности сказали «да», когда я принимал решение. Едем же.

Кони двинулись шагом по неглубокому снегу, местами едва припорошившему участки леса.

Ледяные пустоши далеко не всегда соответствовали такому зловещему названию; они получили его из-за огромных масс холодного воздуха, по розе ветров неизменно приходивших в эти края с севера – с последних дней осени точно по первую декаду календарной весны. Если бы не сдерживающие действия рыцарейхрамовников, этим жестоким дуновением с полярной шапки мира снесло бы треть материка. Даже горы не стали бы препятствием для замораживания земель южных соседей, и только магия помогала укрощать свирепый нрав стужи. Вот за что получала семья Ди Йэло

▲свою привычную «зимнюю плату» – за борьбу с убивающим все живое запредельным холодом.

Сейчас же усиливался снегопад – так и должно было быть, природа брала свое.

– Что вы можете поведать о моем отце, мессир? – спросил Марко спокойным и вежливым тоном, но в голосе все равно прозвучал вызов.

– Смотри что ты хочешь узнать, Марко Синомбре. Или называть тебя Марко Салазар – ведь так звали тебя от рождения?

– Называйте как хотите. Препрежнего имени нет – и уже давно.

– Хорошо, – удовлетворенно ответил Ди Йэло. – Я буду звать тебя Марко до момента перевоплощения. А пока что расскажу одну короткую, но поучительную и не самую веселую историю. Жил-был рыцарь Третьего Храма, дворянин, но рыцарь в первом поколении, потому что приняли его в ряды благодаря исключительному мастерству. Его сфумато могли применяться не только в сфере управления стихиями Эола, но в общем-то где угодно. Таких мастеров днем с огнем не сыщешь, тем более в одной семье. В юности он даже баловался театральными декорациями для спектаклей, да. Звали рыцаря Диего Салазар, а еще у него был старший брат по имени Гвидо...

– Что?!

– Имей терпение, мальчик. Ты же не внучатый племянник того, кого прозвали Алмазные Пальцы, а самый что ни на есть прямой. Только дядю ты знать не мог лично. Он, кстати, не захотел стать

рыцарем, остановившись на высшей квалификации мастера при Первом Храме. Он хотел служить людям, музам, свободному искусству, а потому бродил из конца в конец мира. С твоим отцом он вообще часто не находил общего языка, потому что тот был приверженцем строгого порядка, прописанного в Уставе любого Храма раз и навсегда. Они крайне редко виделись. У Диего тоже был свой недостаток – доброта.

– Что плохого в доброте, мессир? – тихо спросил Марко.

– Многие. Те, кто раздают крестьянам зимой хлеб из своих амбаров, не всегда думают, чем будут кормить собственную семью на излете весны, чем будут сеять. Те, кто спасает волчат из ловчих ям, не задумываются о том, что звери подрастут и нападут на стада овец, мирно пасущихся в горах, – если не вмешается вовремя кто-то из

▲Первого Храма. Милосердие нужно придавливать в душе вовремя, иначе оно тебя погубит, сделав слабым. Как тот приют дезертиру и воровке, который ты дал. Ты раздаешь доброту, как милостыню во имя умерших близких, строя им лестницу тысяч ступеней благодетелей к Небесному Храму за гранью жизни. Но им это уже не нужно, поверь. Их нет.

Снегопад прекратился, расступились последние преграды густого ельника, выпуская кавалькаду всадников на открытый простор. Теперь перед ними предстал тот пейзаж, что был изображен на холсте, и в лунном свете казались такими сказочными и Белый замок, и окрестные сопки, и сладко дремлющий Невадо в окружении деревенок.

– Диего Салазар женился еще до того, как стал рыцарем. На бедной дворяночке из горного княжества, прилепившегося на границе Сумары и Галанта, в аккурат за перевалом – бывшим Убийцей Путников. У них родился умный мальчик. Он перенимал мастерство отца на лету и в пятилетнем возрасте был принят в школу при Третьем Храме – дело неслыханное! Как называлось княжество, ты хоть знаешь?

– Знаю, конечно. Аррида. Оно было стерто с лица земли. – Теперь в голосе Марко звучал не вызов, а самое настоящее гневное осуждение. – Вместе с теми жителями, которые не пожелали покинуть родные места.

– Им предложили расселение в Галант или Сумару. Куда захотят – перед тем как Совет дал поручение Третьему и Второму Храмам навсегда изменить тот ландшафт. Не сделай мы этого, через полторы сотни лет начались бы необратимые вулканические процессы, превратившие в кипящий котел лавы весь близлежащий регион.

– Полторы сотни! – воскликнул Марко с горькой иронией. – Сколько было времени!

Старик ответил крайне холодно:

– Такие вещи делаются заранее. Картины кропотливо пишутся и будут завершены не скоро. Сфумато, преобразующее земную твердь вплоть до яростного планетарного ядра вниз, и до последнего слоя воздушной оболочки и хрустальной сферы – вверх, будут дозревать полвека и покрываться патиной навечно. Арридцы же подняли самый настоящий мятеж. Они не хотели смириться с решением Совета, потому что их ученые мужи представили свои расчеты. Вспыхнула

▲короткая Пятидневная война, только силы были не равны. Твой отец демонстративно отказался участвовать в порученной ему доле работ в

общей серии полотен сфумато, отказался выполнить волю Совета – он ушел простым мастером в Первый Храм и сжег пожалованный ему семейный стяг, перестав быть рыцарем. Как все подумали изначально – поступок был совершен из-за родственных связей, потому что семья супруги Диего оказалась на стороне мятежников. Мужчины были убиты или казнены...

– А женщин покрасили вместе с первым наброском нового ландшафта! Отправили в небытие! Это хуже черного колдовства, никто не заслуживает такой смерти! А потом вы все просто...

– Ты ни-че-го не знаешь о черном колдовстве, Марко! – резко повернулся к спутнику мессир Армандо, дернув поводья своего коня. – Пока. Но с его плодами ты еще познакомишься... Решение Совета выносится коллегиально. Потом, как ты говоришь, стало ясно, что опустевшие земли Арриды скрывали не только нежелание упрямец в расселению. Оттуда пришла беда, вызванная из самой Тьмы самозваными магами, не имеющими понятия о том, что нельзя стать мастером сфумато без должного обучения. Беда ударила и по твоей семье тоже.

– Можно! – с явным вызовом произнес собеседник Армандо. – Я провел в школе два года, потом все обучение закончилось. Я всего достиг сам.

– Кто же спорит? Но ты-то благоразумно ограничился театральными декорациями. И все-таки тебе поставили руку – и отец, и другие мастера. Мастера, а не самоучки!

В этот крайне щекотливый момент разговора кавалькада уже миновала предместье Невадо и проследовала по широкой мощеной дороге прямехонько к Белому замку. Только вблизи Марко смог оценить истинный размах замысла архитектора и красоту сооружения – целиком из бело-серого камня, покрытого мерцающими в свете луны крохотными кристаллами изморози.

– Разговоры в сторону, Марко Синомбре, – повелительно проговорил Армандо Ди Йэло, поднимая левую руку в перчатке и останавливаясь перед мостом через огибавшую замок реку. – Закончим позже. Зимние вечера долгие и до того, как ты начнешь коротать их с молодой женой, есть еще некоторое количество времени. Опустись на

▲лицо капюшон, слуги не должны тебя видеть. Тебе сейчас нельзя есть или пить, ты должен лечь спать в ближайший час, тебя проводят в покои.

Конские подковы процокали по брусчатке. Перед тем как спешиться, Марко счел нужным поинтересоваться:

– Мессир... Не сочтите меня неделикатным, но сейчас мной движет любопытство. Ваша правая рука, помеченная Печатью Леонардо, сейчас недееспособна. Вы говорите о соблюдении строжайшей тайны, а значит, у вас на примете есть подходящий мастер сфумато, который...

Армандо не дал договорить, хитро улыгнувшись.

– Любопытство не порок. Мой выбор пал на тебя еще по одной причине – ты ведь левша, как и мой сын. А я... что ж, потеря правой руки не значит, что она была ведущей с самого начала. Сфумато для тебя сделает не абы кто, а бывший Командор Третьего Храма, которому нынешний не достоин даже растирать краски. И это вовсе не гордыня, а констатация факта. Так иди же, мальчик. Проснешься ты другим человеком, которого будут звать Лодовико.

-
-
-
-
-

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/natalya-rakshina-31887306/sfumato/>